

Усталые западники

«Прогрессивная» литература конца и начала века

Сергей ШАРГУНОВ

Последнее время литераторы и политики взирают друг на дружку с особенным недоумением.

«Литература если и не умерла, то малоактуальна, — думает политик. — Прекрасное, но бесполезное занятие». «Политика если и не умерла, то полудохлая, грязная и кончается позорным нулем», — думает литератор.

Причина одна — недоверие к смыслам, интеллектуальная беспомощность в несвободных условиях. Ведь мало высказывать смыслы, их хочется высказывать широко, громко, а главное — влиять, влиять... Вливать вино в шершавые мехи и скользкие бутылки реальности.

Идеологическая сегрегация литераторов — явление странное, весьма относительное. Так, Николай Лесков и Николай Чернышевский, Федор Достоевский и Максим Горький, Валентин Распутин и Юрий Трифонов роднятся, например, своим демократизмом. Дробление писателей на «либералов» и «патриотов» и вовсе жутко условно. «Славянофилы» и «западники» звучало метче, поскольку, как правило, те и другие были патриотами, только любовь к Родине понимали не одинаково.

Западник Александр Герцен сказал про славянофила Константина Аксакова: «Мы, точно головы орла, смотрели в разные стороны, но в нас билось одно сердце» (напоминает сорокинское: «Говори сердцем!»).

И все же деление было, и все советские годы оно тянулось, скрепляемое и патокой благополучия, и кровью Исаака Бабеля или Николая Клюева.

Иногда в позднесоветские годы писатели, выпивавшие в ресторане Центрального дома литераторов отдельными командами, в дивном экстазе сдвигали вечерние столы, и одно сердце начинало пульсировать в их бокалах и стопках, и трепетали над хмельными головами могучие орлиные крылья всепрощения, в шуме которых пропадали интонации разногласий.

Рискованно возьмем литератора-либерала. Было бы любопытно, пускай фрагментированно и придиричиво, реконструировать маршруты и стоянки такого собирательного писателя двадцати последних лет. Вздохнем... И пунктирно попробуем зафиксировать стежки следов, что различимы на самых недалеких расстояниях.

Каковы они, новые Чаадаев, Тургенев, Мельгунов, Катков и Корш?

Перестройка растормошила литературный улей. Литераторы вторглись в политику, политика — в литературу. Такие журналы, как «Знамя» и «Новый мир», с одной стороны, и «Наш современник» и «Молодая гвардия» — с другой, стали трибунами двух перестроечных настроений — «открытости» и «почвенничества». Одни дарили читателю «Доктора Живаго», другие —

Перелом

Ивана Солоневича. Начали печататься и современные тезисы осмелевших до крика апологетов «предельной русскости» или «европейской модели».

Датой свирепого размежевания литературных лагерей правильно считать 18 января 1990 года, когда литературное мероприятие посетили люди нелитературные. На заседание писательского клуба «Апрель», объединявшего сторонников «перестроечной оттепели», во все тот же ЦДЛ ворвалась группа активистов из общества «Память» с плакатами и рупором. Предводительствовал ими Константин Смирнов-Осташвили. Налетчики, тактикой чем-то напоминавшие некоторые современные официозные движения, заточенные срывать мероприятия оппозиции, тыкали пальцами в «недругов Отчизны», а матюгальник рычал предписание «убираться за бугор». Ныне покойная Тамара Манке, честный интеллигент, встретившая смерть Сталина в ГУЛАГе, отвечала за тот вечер. Она рассказывала мне, что «все были хороши». Так или иначе, потасовка случилась. Писателю Анатолию Курчаткину разбили очки. Курчаткин, хороший прозаик умеренных взглядов, оскорбился. Его разбитые очки легли на весы правосудия. Суд приговорил застрельщика налета Осташвили к двум годам лагеря. Обвинителем на суде выступил кипящий Юрий Черниченко. Приговоренный из лагеря не вышел (его нашли в петле), а вся эта история внесла бритвенную остроту размежевания в литературное сообщество.

Курчаткин, некогда принадлежавший к тесной компании «сорокалетних», стал неприятелем для своих вчерашних собратьев – «охранителей» Александра Проханова, Владимира Бондаренко и Владимира Личутина. За ним в сторону либерализма воспоследовали «вечно сорокалетние» прозаики Владимир Маканин и отчасти Анатолий Ким.

Август 1991 года привел к фатальному разделению Союза писателей. Одни де-факто поддержали операцию «Лебединое озеро», другие любовались «белым лебедем свободы», танцующим в водах Москвы-реки у Белого дома. После разгрома ГКЧП «патриотическая часть» писателей даже «держала оборону» своего особняка на Комсомольском проспекте, а в тамошнем дворе было спалено чучело Евгения Евтушенко.

Начало 1990-х, ознаменованное торжеством рынка и размыванием гуманистических доминант, вызывает на передовую актуальности уже не столько горькие воспоминания о «большом терроре», сколько фельетонно-богемную литературу, позволяющую встретить в смеховом всеоружии новое шоковое время и брызнуть хи-хи через плечо на социалистический бэкграунд

Именно самое начало 1990-х можно назвать временем рефлексии по поводу только что отлетевшего советского духа. Собственно, короткий расцвет российского постмодернизма, на мой взгляд, произошел не в перестройку даже, а после Беловежья. Люди, странно смеясь, расставались со своим прошлым. В журнале «Знамя» выходит яркая повесть Виктора Пелевина «Омон Ра» – стебовое осмысление «совка», космических свершений и «жертвенного долга советского патриота». Одновременно Проханов, объединивший вокруг литературной газеты «День» кучу-малу имперского покроя, с пафосом одинокого царя горы пишет гротескного «Последнего солдата Империи».

Начало 1990-х, ознаменованное торжеством рынка и размыванием гуманистических доминант, вызывает на передовую актуальности уже не столько горькие воспоминания о «большом терроре», сколько фельетонно-богемную литературу, позволяющую встретить в смеховом всеоружии новое шоковое время и брызнуть хи-хи через плечо на социалистический бэкграунд. Прежние «Тридцатая любовь Марины» и «Норма» Владимира Сорокина начинают играть свежими красками, напитываясь безумием реформаторской яви. В ответ возникают жестко-ернические оборонные тексты вроде статьи Бондаренко «Фекальная проза Сорокина Вовы», где «либералы от литературы» изобличаются калоедами и пораженцами (риторика, лет через десять подхваченная нахрапистыми «Идущими вместе»). В том же журнале «Знамя» выхо-

дит статья Сергея Чупринина «Первенцы свободы», посвященная больше публицистам и журналистам, чем писателям, но в целом крайне симптоматичная. Чупринин предлагает принимать как закономерность душевную атрофию и желтизну новой генерации авторов.

Осенью 1993 года сложно было найти откровенно либерального писателя, симпатизирующего тем, кто сидел в Белом доме, хотя депутаты вполне либерального настроения (Олег Румянцев) среди его защитников были. Знаменитое письмо, осуждающее действия Кремля, которое подписали из прекрасного далека Андрей Синявский, Владимир Максимов и Петр Абовин-Егидес, конечно, разительно отличалось от позиции большинства отечественных либералов, судивших дисциплинированно и яро. Они-то «выстрелили» письмом сорока двух, призывом громить Советы и закрывать газеты, включая «Литературную Россию». Но Анатолий Рыбаков говорил, что никогда бы не подписал подобного обращения, время прошло – Юрий Давыдов назвал свою подпись «глупостью». И в любом случае прав был историк Михаил Гефтер, назвавший те кровавые безумные события Рубиком, «после которого возврата нет, и все мы обречены отныне на движение от этой, и только этой, отсчетной точки».

Октябрь 1993 года, превращение РФ в президентскую республику, Чечня и весь этап середины 1990-х, который стоит именовать «черномырдинским», не могли не повлиять на словесность. Литература – явление социальное. Литераторы чутко улавливают исторические перепады. И вот прохановское издание меняет подзаголовки с «газеты духовной оппозиции» на «газету государства Российского», а в либералах наблюдается аккуратное размежевание на толстожурнальную премиальную фракцию и экзотическую. Последняя вытесняется навстречу зарубежному читателю, «постмодернистов» лелеют переводчики. Разгильдяйская фривольность становится как бы подмороженной. Нерядовые читатели-критики начинают все пуще сторониться «варварства», пестуя особую изящную словесность, далекую от экстремальных соблазнов. И это объяснимо. «Постмодернисты» с их деструкцией (жги-гуляй, садистические приколы, культивация Ничто, смачная подача человеческих тупиков) – теперь уже как бы мятежники и смутьяны по отношению к недавно шумному «свету», который медленно, но верно застигает ряска стабилизации. Должно быть не шумно, а дремно. Литература расположилась на привале.

Героями пристойного влиятельного сектора, где раздают премии и прочие сертификаты качества, становятся авторы, отвечающие критерию «ответственности». Теперь очень важным индикатором уровня текста делается его «идейная уверенность». Причем экзамен довольно строг. Идеальный текст должен быть ценностно насыщен, эклектичен и вместе с тем отчетлив. Торжествующий гуманизм совмещается с приятием безальтернативности рынка. То есть, во-первых, вера в человека, в доброту, а во-вторых, понимание социального выбора через вестернизацию. Отрицание тоталитаризма уже не может быть компенсировано нигилизмом. Стилистически подобная линия выражается через фразеологически густые, исполненные красот, «интеллигентные» произведения. Эта литература аморфна, малодинамична и рассчитана на узкую группу критиков и производителей. Ни протеста, ни веселого «отжига», ни внятного занимательного сюжета не разглядишь. Зато с лихвой хватает вычурности и размышлений о месте интеллигента в необратимо коммерциализирующемся пространстве. Это вещицы в себе. Задача такой литературы – не какая-нибудь, упаси боже, массовая аудитория, а создание очаровательных изделий для немногих ценителей.

Тренд «интеллигентной литературы» рождает безусловно талантливых прозаиков Марину Вишневецкую или Андрея Дмитриева, которые навсегда вписали себя в историю русской литературы. Ключевым апологетом-ценителем изысканно-ответственных текстов, их идеологом выступает, пожалуй, критик Андрей Немзер. В эти годы его голос как никогда резок и значим.

Тем временем патриотический лагерь литературы переживает не лучшие времена стагнации, но его «левый», наиболее оппозиционный фланг начинает присматриваться к подвергнутым остракизму богемщикам и «постмодерни-

стам». Бондаренко принимается за благодушное чтение Пелевина и подставляет страницы газеты для вопиющих дерзостей Ярослава Могутина.

Кроме толстожурнальных либеральных старейшин отстраивают свой городок и близкие им литераторы помладше. Их увлеченность «искусством для искусства», увы, по моему мнению, не подарила долгосрочных или жарких текстов.

Начало 2000-х годов – время больших надежд. Это опять же было связано с политическим переделом и неопределенностью будущего. В рамках мэрской кампании Сергея Кириенко всплывает слоган «правая политика – левая культура», рекрутирующий свежие не вполне политкорректные ресурсы. Но пока это только подступы... В целом сторожевые мейнстримного искусства были настроены подозрительно и скептически по отношению к неправдоподобным. Даже прогрессивный критик Вячеслав Курицын писал об Эдуарде Лимонове, нынче «реабилитировавшемся», весьма ядовито. В конце 1990-х с вынужденной страдальческой гримасой Курицын включил его в сотню современных писателей, будто бы по просьбе друзей, заклинавших памятью будто бы единственной достойной книги «Это я – Эдичка»: «Тебе ведь не обязательно комментировать, не обязательно упоминать всю х...ню, которую он после насочинял. Просто включи – и всё. Включаю». Чего уж говорить об отношении к Проханову, чей роман тонкий критик Мария Ремизова на страницах «Независимой газеты» по состоянию на 1999 год аттестовала следующим образом: «Рассматривать широкомасштабный роман Александра Проханова с точки зрения художественной ценности невозможно. Александр Проханов лишен дара художественного письма. Слог его убог, образы плоско, мотивировки нелепы, сюжетные ходы банальны до штампов. Не было бы вообще никакого смысла разбирать этот роман, если бы не одно обстоятельство. “Красно-коричневый” является очень характерным документом, зафиксировавшим типологические черты сознания определенного социального слоя».

Двухтысячные воскресили для литературы и Лимонова, и Проханова, и не потому, что первый написал новые книги в тюрьме, а второго признали лишь «безвкусовые оболтусы», как возразит мне кто-то, а потому, что поменялась политическая атмосфера. Маргинальные катакомбы покинули пророки того самого «определенного социального слоя» вроде Александра Дугина или, допустим, Сергея Кургина и Сергея Кара-Мурзы, которых либеральное сообщество до того отказывалось принимать за равных.

В начале 2000 года литературное сословие уже не могло и не хотело существовать по-прежнему. Мудрствовать лукаво стало нестерпимо скучно. Изоляция парника накаtywала удушьем. И сомкнулись два фронта. Чтобы все было по-честному..

Двухтысячные воскресили для литературы и Лимонова, и Проханова, и не потому, что первый написал новые книги в тюрьме, а второго признали лишь «безвкусовые оболтусы», как возразит мне кто-то, а потому, что поменялась политическая атмосфера

Один – андеграундно-контркультурный, представленный молодыми авторами-вольнодумцами и вольнодумцами полегитимнее, издательско-премиальными (премия «Нацбест», издательство «Ад Маргинем»). Другой – толстожурнальный. Критики, вполне уравновешенные и достаточно либеральные, заговорили об унылых сумерках литературы. Алла Латынина в «Литературке» (газете, под началом Юрия Полякова перевернувшейся на сто восемьдесят градусов) вздохнула о посуде традиционного реализма, перебитой в черепки. Ирина Роднянская задумалась едва ли не о нехватке магической детскости в прозе, что у Льва Пирогова аукнулось блаженным упрощением «постинтеллектуализма». Павел Басинский самозабвенно транслировал «почвенные зовы». Одновременно с тем в новом поколении литераторов зазвучал бодрый пароль «новый реализм». Писатели заговорили о... О народной жизни. О социальном. Окопная правда чеченского вояки Аркадия

Бабченко, обыденная и жгучая правда бытия простого человека у Романа Сенчина... Понадобился чуть ли не новый Горький. «Отрицание траура» – так назывался мой манифест в «Новом мире», предсказавший возвращение социальности и романтизма в прозу и даже поэзию. Сегодня, читая прозу Захара Прилепина и слушая стихи Всеволода Емелина, могу довольно ухмыльнуться: был прав.

Второй фронт принялся за политику: в издательстве «Ад Маргинем» начинает выходить Лимонов, которому тюрьма в творческом плане сослужила добрую службу. Выходит «Господин Гексоген» Проханова с дичайшей обложкой. Книга эта сенсационно выигрывает премию «Национальный бестселлер». Газета «НГ-Exlibris» публикует декларацию Дмитрия Ольшанского «Как я стал черносотенцем» (спровоцировавшую гул возмущения; «Это зоология» – называлась одна из реакций). Критик Лев Данилкин про махрового русопята Личутина изъясняется из глянцевого нутра «Афиши»: «Он пишет, как серебряным копытцем бьет». Легитимация запретных тем и имен делается лавинообразной, головокружительной... Подключается поэт Илья Кормильцев, создающий безоглядное издательство «Ультра.Культура».

Ситуация вызвала оторопь у многих литературных авторитетов. Процесс раскрепощения встречал неудовольствие повсюду. Достаточно поднять архив электронного «Русского журнала», чтобы погрузиться в стихию той недавней бури. Единовременные отповеди извергали охранители с обоих флангов – и «либерального», и «патриотического». Давал отлуп Андрей Немзер, но обличала и православно-почвенный критик Капитолина Кокшенева, а рукопись романа «Господин Гексоген» была отвергнута журналом «Наш современник». Участники бучи обменивались энергиями, либеральные юноши превращались в народников, а матерые «патриоты» напитывались токами свободы. Нынешнюю приверженность Лимонова «правам человека» можно воспринимать и как последствия того этапа литературной биографии (получение им премии Андрея Белого, поддержка его «ПЕН-Центром»). Также не стоит забывать душевное сближение Проханова с «либерально-протестным» лагерем в политике, что, кстати, дало эстетический выхлоп – последующая его проза резко помолодела, острее замигала галлюцинаторными и эротическими фонариками.

Примечательна размещенная в начале 2000-х в журнале «Знамя» статья Сергея Чуприна «Свободные радикалы», посвященная «приличным ребятам с ветром в голове», заигрывающим с недопустимыми тоталитарными силами: Дмитрию Быкову, Льву Пирогову, Дмитрию Ольшанскому и автору этих строк. Сергей Чуприн смирился с неизбежным, признавая, что «свободные радикалы» («Они ведь не совсем серьезно все это говорят», – размышлял он, перечисляя разноплановых авторов через запятую) нужны общественному организму, только вот, оговаривался он, их излишек губителен. Чуприн распекал забияк. Ироничное желание окоротить по иронии судьбы реализовалось очень быстро и в десятикратной степени.

В рассеянии...

Все-таки тогда было относительно свободное время (Лимонова бы сейчас вряд ли отпустили условно-досрочно). Но в последующие годы стряслось худшее, нежели распад «радикалов». Похоже, можно констатировать выхолащивание интеллектуальности. Жертвой охоты на ведьм стал и сам Чуприн, которого уличили в якобы причастности к челобитной российских поэтов в адрес Туркменбаши. В политическом контексте эта история ничем уже не грозила – чугунное небо встало над нами... Россия вошла во вторую половину первого десятилетия нового века. Гайки грозно заскрипели. Разбитыми оказались все, кто пробует свое суждение иметь, кто рыпается, и это насилие не могла не отразить литература. Достаточно сказать, что глубокий и хлесткий Лев Пирогов канул в скользком журнале для тинейджеров, а Александр Проханов наверняка сам не рад быть завсегдатаем «шутейно-патриотических» телепередач, где экспертами-собеседниками, как в кафкианско-набоковском кошмаре, выставляют его вчерашних соседей по катакомбам Дугина и Кургиняна.

Интеллектуальный монополизм власти не может не проявляться в сплошных «бизнес-проектах», когда есть место лишь согнанным послушно-наглым подросткам да «говорящим головам» выдрессированных экспертов. Остальные, то есть мыслящие как-то иначе, индивидуально, — порицаемые недруги процветания и наступившей бесповоротно стабильности.

А что же мои друзья-либералы сегодня?

Это народ, пребывающий в рассеянии как рядов, так и рассудков.

Кто-то настроен фрондерски. Я уверен, что критик Наталья Иванова соперничает активистам запрещенной партии, пускай ее название и поперек всего естества Натальи Борисовны. Неудивительно, что критик Евгений Ермолин, примечательный своей христианской нравственной интенцией, уже с симпатией отзывается об антиутопии Сорокина «День Опричника» и благословляет публичную случку, устроенную в честь выборов арт-группой «Война».

А что же мои друзья-либералы сегодня?

Это народ, пребывающий в рассеянии как рядов, так и рассудков

Кто-то настроен лояльно. Так, замечательная Ольга Славникова провела круглый стол с участием солидных чиновников из «Единой России». Среди лояльных, вероятно, можно назвать писателя Александра Кабакова, выведенного в сокрушенно-сатирической повести Славы Сергеева «Я ваш Тургенев» в недавнем номере журнала «Континент» (о том, как либерал-западник становится уставшим византийцем). Есть и немало других, кого называть совсем и не обязательно. Находятся такие, кто вчера из либеральной солидарности клеймил Проханова-«бездаря», а сегодня, уловив запрос времени, отдает дань его «полемическому пылу», впрочем, до той поры, пока «метафорист» подержан властью.

Все это забавно даже.

Такая же забавная сумятица, но более вялая, наблюдается и в стане «почвенников», в основном с тусклой надеждой взирающих на бронетанковый парад 9 Мая.

Нацпроект «Свобода»

Все забавно, но обнажает безжалостно интеллектуальный пессимизм и травмированность воли тех, кто предназначен для интеллектуальных озарений и волевых порывов.

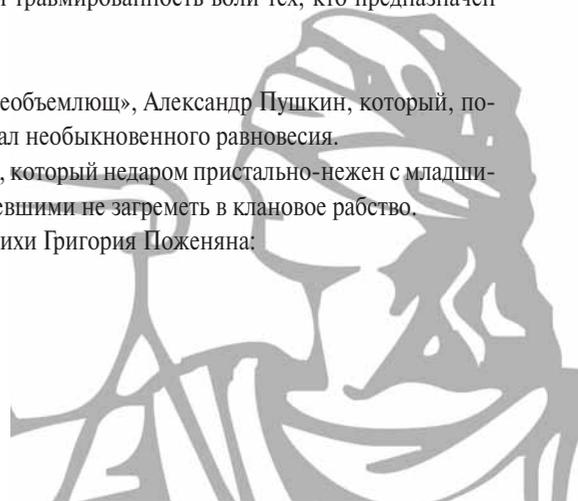
На что же надеяться?

На личность. Независимую от стай. Таков, и в том числе этим «всеобъемлющ», Александр Пушкин, который, получая слева (от Николая Полевого) и справа (от Фаддея Булгарина), достигал необыкновенного равновесия.

Возможно, больше многих личную свободу сберег Дмитрий Быков, который недаром пристально-нежен с младшими по возрасту литераторами вроде Ксении Букши, не успевшими или сумевшими не загреметь в клановое рабство.

Итак, прежний либеральный вариант исчерпан. Вспоминаются стихи Григория Поженяна:

Следы — это был человек и нету.
Следы — это только то, что осталось,
Но все остается с тобою навеки,
Но все с тобою навеки уходит,
А тебе уже ничего не страшно.

Следы все равно не обрываются, дорожка оживает под новыми ногами. Новые авторы переживают за Родину и болеют за свободу – факт. Хорошо ощущают боль несправедливости, отзывчивы к вызовам времени и зуботычинам жизни. Они вступают в разговор с жизнью по-разному – злобноватой чернухой или дурманно-прекраснодушной лирикой, или рьяной проповедью, но социальное неравнодушие очевидно. Да и неволя может лишь вдохновить крепкую личность. Ну а если говорить про общий признак, то это будет все тот же извечный демократизм, упомянутый в начале статьи. Главное отрадное свойство – незаемная подлинность переживаний и мнений. А размежеваться, рассориться многим еще предстоит. Уже сейчас есть такие разные писатели, как Алексей Шорохов и Александр Иличевский.

Но многие ли уберегут свои плечи от лап века сего? Искушения и опасности нетворческой эпохи сильны.

Когда кругом липа, тяжело выстраивать продуктивную стратегию. Даже Александр Солженицын, человек длинной воли и выстраданного мировоззрения, кажется, не совсем понимает, кто нынче прав, а кого надобно укорить. Прискорбно, что и социальная позиция писателя уже не сводится к упрощению: карьеризм или жертвенность. Подает свой подленький ухолобительный голосок демон по имени «Бессмыслица». С точки зрения здравого смысла не совсем ясно, что делает в рядах «Молодой Гвардии Единой России» одаренный молодой писатель Михаил Бударягин и что делает в тюрьме не менее одаренный невинный молодой писатель-нацбол Владимир Титов.

И это выводит нас к наиважнейшей задаче изменения общественной погоды. Необходим откат в обратную сторону. Возвращение. И не в 1990-е, а на чуточку ближнее расстояние. В самое начало 2000-х.

Flashback к тому короткому и скандальному ренессансу, который загубило ужесточение политики. К свободе высказываний и творческих коалиций, к резвости полемики и пафосу отстаивания эстетических и идеологических гипотез. Нацпроект «Свобода» невозможен без задействования политических рычагов, расширения гражданских возможностей, ослабления давящих лап.

А за великой русской литературой не заржавеет. Она и рада отозваться на перемены словами, буквами, очередным смехом и, конечно, новыми терзаннями...